

УДК 494.3

## К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ТОПОНИМОВ

**Мухатаева А.Ж.**

*Казахский национальный технический университет им. К.И. Сатпаева» (КазНТУ), Алматы,  
e-mail: ard0608@inbox.ru*

Статья посвящена анализу народной и научной этимологии этнографических топонимов по материалам казахского эпоса. Проведено лингвистическое и этнолингвистическое исследование с привлечением лексики родственных языков, показан путь фоно-морфо-семантического развития этнотопонима.

**Ключевые слова:** эпос, этнографические топонимы, этимология, этнолингвистика

## REVISITING THE ETYMOLOGY OF ETHNOGRAPHIC PLACE NAMES

**Mukhataeva A.Z.**

*Kazakh National Technical University n.a. K.I. Satpayev, (KazNTU), Almaty, e-mail: ard0608@inbox.ru*

This article analyzes the folk and scientific etymology of place names based on ethnographic Kazakh epic. Linguistic and ethnolinguistic study is conducted involving vocabulary of related languages, the path of the phono – morphological and semantic development of ethnotoponym is shown.

**Keywords:** epic, ethnographic place names, etymology, ethnolinguistics

Одной из наиболее распространенных сфер народного, ненаучного толкования происхождения и бытования топонимических, антропонимических и этнонимических объектов являются устно-поэтические, героические и лиро-эпические произведения. Если народная этимология во всех возможных вариациях в художественных произведениях чаще всего преследует сатирическую цель, то в эпических произведениях она, обрастая различными легендами и народными преданиями, нередко становится своеобразным лейтмотивом. Нечто подобное происходит и в языке казахского эпоса «Қозы Көрпеш-Баян сұлу» [1], где около 30 топонимов разного характера являются этногеографическими объектами, объясняемыми по принципу народной этимологии. К ним относятся, например, оронимы: Қарқаралы, Сандықтас, Моншақты, Домбыралы, Моншақтау, Қазылық, Жалаулы, Ақшатау, Алтынсандық, Баянауыл, Жауырбұғы, Жауыртау; гидронимы: Шідерті/Шідерлі, Тоқырауын, Жамшы, Ай, Аякөз, Ақкөл, Жайылма, Домбыракеткен; ойконимы: Темірші, Қазанғап, Мейізгек, Қызылбелбеу, Құбажон, Абыралы, Жауыржорға и др.

Многие из этих объектов и по сей день реально бытуют на карте Казахстана. Лишь некоторые из них переименованы, иные же названия перенесены на населенные пункты. Соответствие между эпическими этнотопонимами и современными географическими объектами свидетельствует о некой «привязанности» эпоса к данному региону и придает всему повествованию, в том числе сюжетно-этнографическому толкованию географических объектов, определенную конкретность, хотя варианты и версии

этого же эпоса, бытующие у других тюркских народов и народностей (алтайцев, башкир, узбеков, уйгур и др.) трактуются на иных географических ареалах и соответственно отражают другие топонимические объекты.

В рассматриваемом нами эпосе мы имеем дело с определенной группой этнографических топонимов, объясняемых на основе народной этимологии. Нас интересуют мотивы и приемы их народного толкования, благодаря которому обычные наименования географических объектов приобретают этнографический смысл и нуждаются в более обстоятельном лингвистическом анализе.

Известно, что в ономастике используются самые различные приемы и принципы лингвистического анализа, базирующиеся на закономерностях процесса номинации и особенностях мотивации. Мотивации обычно включают все аспекты нашей жизни, как бытовых факторов и наипростейших признаков, свойств предметов и явлений окружающей действительности, так и абстрактных представлений (мифологических, астрологических, религиозных и др.), воззрений этноса. Образованные таким образом народные географические названия, характеризующиеся сочетаниями образных эпитетов и сравнений, отличаются от массы обычных топонимов прежде всего реалистичностью мотивировки, тонкостью наблюдения, свойством отражать и актуализировать наиболее существенные стороны географических объектов. Именно такие этнографические топонимы содержит лексика казахского эпоса.

С рассматриваемыми этнографическими топонимами эпоса «Қозы Көрпеш-Баян сұлу» часто связаны события и мотивы по-

вестования, обычаи и традиции народа и поступки эпических героев. Эти объекты воспеваются и подвергаются своеобразному народному «этимологическому» толкованию, вероятно, в целях придания эпическому повествованию большей убедительности и реалистичности. Такой своеобразный прием «привязывания» эпоса к конкретному региону и придания ему сугубо местного этнического колорита присущ, пожалуй, всему эпическому наследию народа. При этом бросается в глаза умелое использование сказителями традиционно бытующие языковые модели образования топонимов и приемы мотивации. Так, например, встречающийся в эпосе этнотопоним Домбыракеткен (досл. «речка, по которой уплыла домбыра») с точки зрения языковой структуры – это лишь повторение уже известной в народе топонимической модели типа Қызөлген (досл. «место, где умерла девушка»), Тайсойған (досл. «место, где был зарезан жеребенок»), Қалмақашқан (досл. «местность, где калмыки обратились в бегство») и многие другие. За этими этнотопонимами легко увидеть конкретные исторические события, о которых часто складывались в народе легенды.

Что же касается толкования этнотопонимов, то они в большинстве своем носят прямолинейный, умозрительный характер и с точки зрения научной этимологии не выдерживают критики. Тем не менее, народная этимология – тоже этимология, она представляет для широкой массы народа познавательный интерес. Выше сказанное постараемся подтвердить конкретными примерами из рассматриваемого эпоса путем этимологических и этнолингвистических объяснений.

Целая группа этнографических топонимов в языке эпоса «Қозы Көрпеш-Баян сұлу» образована при помощи регулярно действующего в топонимизации аффикса с вариантами -лы/-лі/-ды/-ді/-ты/-ті. Этот аффикс в составе топонимов, антропонимов и этнонимов широко распространен во всех тюркских языках и в научной литературе классифицируется как аффикс принадлежности. Этот аффикс специалисты подвергают дифференциации по вариантам: из указанных шести первые четыре -лы/-лі/-ды/-ді почему-то считаются регулярными и продуктивными, тогда как последние два -ты/-ті – архаичными, реликтовыми [2]. При этом в качестве аргумента в пользу древности -ты/-ті ссылаются на нарушение закона сингармонизма, требующего постановки после гласных и сонорных в конце корня или основы исключительно звонких соглас-

ных, тогда как наряду с Мойынды встречается Мойынты, наряду с Алмалы – Алматы, с Шідерлі – Шідерті. Надо полагать, что указанные два варианта аффикса говорят о непоследовательности соблюдения закона сингармонизма. Но на современной карте Казахстана можно встретить топонимы на все указанные варианты: Алмалы, Шідерлі, Қарағанды, Жезді, Қайрақты, Өзекті, наряду с «древними» вариантами на -ты/-ті иногда параллельно употребляются и обычные сингармонические их соответствия. С другой стороны, сохранившиеся в составе казахских топонимов -ты/-ті, хотя и считаются результатом нарушения закона сингармонизма, по существу отражают весьма древнее состояние развития топонимов Казахстана, когда данная закономерность, возможно, и не была свойственна языку того этнического коллектива, среди которого были образованы эти категории топонимов. Однако это предмет особого разговора.

Что же касается этнотопонимов на -лы/-лі, то их в эпосе 6 единиц. И характерной особенностью их выступает то, что производящие основы по роду объектов и семантического поля в данном случае выражают предметы быта, свойственные казахам. Ср.: Шідерті (от шідер «путы для стреноживания лошадей»), Моншақты (от моншак «бусы», «ожерелье»), Домбыралы (от домбыра – музыкальный инструмент казахов), Жалаулы (от жалау «знамя», «флаг»), Абыралы (от абыра). Этимология этого слова не совсем ясна. Е. Койчубаев возводит его к араба «телега», превратившуюся в абра в результате метатезы [3], А.Абдрахманов же усматривает в Абралы антропоним [2], Қарқаралы (от қарқара «женский головной убор») и др. Отсюда возникает вполне резонный вопрос: каким образом разные предметы быта (шідер, моншак, домбыра, жалау абыра(?), қарқара) становятся наименованиями географических объектов: в одном случае – гор, в другом – озер, в третьем – местности? Только потому, что их так называли в эпосе или имеются между этими предметами и географическими объектами какие-то связи, сходства и соответствия признаков? На такой вопрос, как нам думается, ответить однозначно очень трудно, ибо в отдельных случаях, действительно, какие-то связи в плане мотивации усматриваются, а в других нет. Трудность понимания языковой и предметной соотношенности усугубляется еще тем, что один и тот же географический термин в одном и том же эпосе обозначает разные геогра-

фические объекты: то гор или озер, то местности или этнонимов и т.д. Так, например, в одном месте эпоса повествуется: Қыздың берген қарқарасы түсіп қалып, Қарқаралы тау атын қоя салған [1] –Данная девушкой қарқара («высокая шапка») выпала, и это место было названо Қарқаралы; а в другом месте: Баянның қарқарасы түсіп қалып, Қарқаралы, Қазылық содан қалды [1] – Баян уронила свою қарқара и отсюда появились Қарқаралы, Қазылық. Здесь, как видно из текста поэмы на месте, где выпал головной убор Баян, появились два географических названия. Или: Жанындағы жаулығы түсіп қалып, Абыралы, Жалаулы қоя сапты... [1] – Местность, где выпала косынка, была названа Абыралы, Жалаулы. В этих примерах, как видно, два предмета связываются с одним географическим объектом, а ведь они друг друга взаимоисключают. Причем на современной карте Казахстана эти как бы «сдвоенные» объекты находятся в определенной отдаленности друг от друга или встречаются одновременно в нескольких местах. Так, Жалаулы как наименование населенного пункта имеется в Павлодарской и Алматинской областях; оно же – наименование горной вершины в Западном Тарбагатае. Абралы является то названием низкогорного мелко-сопочника в Центральном Казахстане [3], то наименованием сельского округа Восточно-Казахстанской области и т.д. Разные ли это топонимы или одни и те же – трудно доказать. Данные же эпоса в этом отношении не могут служить надежным источником.

Поэтому народные этимологии, на которые опираются сказители, нуждаются в уточнении, что и является одной из форм этимологического поиска. Ниже мы рассмотрим лишь один пример из этой категории этнографических топонимов.

Топоним Қарқаралы – Каркаралинск является названием горы в Карагандинской области и городом этой же области.

Қарқаралы в изучаемом эпосе следует рассматривать как этнографический топоним и отсюда номинация может трактоваться двояко: с точки зрения народной этимологии и с позиции научной этимологии. Но в известной мере они перекликаются так как восходят к общему этимону. В вышеприведенном отрывке из эпоса топоним Қарқаралы трактуется как местность, к которой принадлежит случайно выпавший женский головной убор қарқара. Қарқара – женский головной убор с высоким коническим верхом, напоминающим по своей внешней форме возвышенность, сопку. На другом признаке қарқара

основывает свое толкование ученый-географ А.Конкашпаев [4]. Он считает, что то место, где находится гора Қарқаралы внешне похоже на своеобразный сундук с украшениями, устанавливаемый на верблюде при перекочевке и имеющий вид цапли.

Возникает вопрос: причем здесь цапля? Выясняется, что женский головной убор и украшенный сундук, действительно, имеют между собою косвенную связь. Их связывает внешний облик высокой птицы қарқара «цапля» и ее перьев, которыми раньше украшали ритуальный головной убор женщин и высокопоставленных лиц (жига). Это в свое время было отмечено В.В.Радловым. Он указывал, что слово қарқара в киргизском и казахском языках означает род цапли [5]. Это указывает проясняет этимологию слова қарқара в значении «цапля». Следовательно, қарқара, употребленное в значении «женский головной убор с высоким верхом» (украшенными длинными перьями цапли) и высокий сундук на верблюде, также украшенный перьями цапли – результат метонимического переноса, что вполне допускается в подобных случаях.

На этом, как нам кажется, нельзя считать завершенным этимологический поиск. Все же остается неизвестным языковая природа двусложного наименования самой птицы қарқара «цапля». Выясняется, что қарқара в тюркских языках не только «цапля», но и «журавль», и он, относясь к числу архаичных лексем, имеет ряд фонетических вариантов: в кирг. қарқыра 1. журавль-красавка; 2. украшение из перьев журавля-красавки (на шапке девочек или девушек) [6]; ққалп. қақыра «дом, построенный из камыша»; «глинобитный дом» [7]; уйг. қақира «цапля» [8] и др. Это дает основание рассмотреть в номинации қарқара звукоподражательную основу: қар+қар > қар+қыр>қа(р) – қыр (здесь закономерное выпадение сонорного р) и плюс словообразовательный формант –а: қарқара(каз.)//қарқыра (кирг.)//қақира (уйг.) «цапля», «журавль-красавка» и т.д.

Таков, на наш взгляд, путь фоно-морфо-семантического развития оронима Қарқаралы «головной убор с перьями цапли» < «цапля» < звукоподражание қар+қар+а.

#### Список литературы

1. ҚКБС – Қозы Көрпеш Баян сұлу. – Алматы, 1959. – 353б.
2. Әбдірахманов А. Топонимика және этимология. Алматы, 1975. – 207б.
3. Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. – Алма-Ата, 1974. – 273 с.
4. Конкашпаев Г.К. Словарь казахских географических названий. – Алма-Ата, 1963. – 186 с.
5. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. – Т.11. СПб., 1899. – 710 с.
6. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. – М., 1965. – 973 с.
7. Каракалпакско-русский словарь. – М., 1958. – 892 с.
8. Русско-уйгурский словарь. – М., 1956. – 1474 с.